

П.В. Кукса

Рязанское гвардейское высшее воздушно-десантное
командное училище,
390000 г. Рязань, Российская Федерация

«Зооморфная» деталь в структуре образов персонажей романа М.А. Шолохова «Тихий Дон»

В статье предпринята попытка исследования одного из аспектов поэтики романа М.А. Шолохова «Тихий Дон» – своеобразие поэтики зооморфной детали. В статье рассматриваются наиболее частотные звериные начала, присущие персонажам романа Шолохова. Установлено, что зооморфная образность романа демонстрирует динамику от зооморфных ассоциаций и метафор к зооморфным деталям-константам.

Ключевые слова: зооморфная деталь, зооморфизм, зооморфные образы, М.А. Шолохов, «Тихий Дон»

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кукса П.В. «Зооморфная» деталь в структуре образов персонажей романа М.А. Шолохова «Тихий Дон» // Рема. Rhema. 2019. № 4. С. 21–33. DOI: 10.31862/2500-2953-2019-4-21-33

DOI: 10.31862/2500-2953-2019-4-21-33

P. Kuksa

Ryazan Guards Higher Airborne Command School,
Ryazan, 390000, Russian Federation

“Zoomorphic” details in the structure of the characters in Mikhail Sholokhov’s novel “And Quiet Flows the Don”

This article discusses one aspect of the poetics of Mikhail Sholokhov’s novel “And Quiet Flows the Don”. The originality of the poetics of the zoomorphic detail in this novel is revealed. The article discusses the most frequent bestial elements pertaining to the characters of Sholokhov’s novel. It has been established that the zoomorphic imagery of the novel demonstrates the dynamics from zoomorphic associations and metaphors to zoomorphic constant details.

Key words: zoomorphic detail, zoomorphism, zoomorphic images, “And Quiet Flows the Don”, M.A. Sholokhov

FOR CITATION: Kuksa P. “Zoomorphic” details in the structure of the characters in Mikhail Sholokhov’s novel “And Quiet Flows the Don”. *Rhema*. 2019. No. 4. Pp. 21–33. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2953-2019-4-21-33

Зооморфная оценка личности имеет огромное значение в современной психологии общения. Применение к человеку зоологических определений и референций – достаточно распространенное явление в естественном языке и в художественной литературе [Устуньер, 2004; Каменская, 2008; Серопегина, 2011; Хайрулина, 2013; Шумилина, 2014 и мн.др.]. Мастера художественного слова как психологи отлично понимают, что в самопознании человек не может ничему не подражать, и основой уподобления становятся животные, обладающие собственными привычками и особенностями поведения.

В настоящей статье мы придерживаемся разграничения терминов «зооним» и «зооморфизм». «Зооним» – это традиционное наименование животного, употребляемое в его прямом значении, в то время как

«зооморфизм» – это метафоризированный зооним, характеризующий и оценивающий человека.

В основе нашего исследования – зооморфные образы романа М.А. Шолохова «Тихий Дон». В тексте произведения обнаружено большое количество зооморфных деталей, при помощи которых писатель проводит параллели между своими героями и животными [Хаврук, 2001; Давыдова, 2007, 2010; Францева, 2005; Муравьева, 2007, с. 192–258]. Частое включение такого рода деталей в структуру повествования художественного целого объясняется рядом факторов: соседством персонажей с природой, натуральным устройством быта, охотой. В ходе подробного исследования текста романа Шолохова были обнаружены некоторые особенности функционирования зооморфных метафор.

Значительный пласт деталей, символизирующих звериное начало в образах персонажей, представляют разнообразные волчьи ассоциации. Особенно часто с волком сопоставляется у Шолохова казачество и его отдельные представители.

Анималистическая деталь, связанная с образом волка, у Шолохова призвана подчеркнуть определенные качества человеческого внутреннего мира: *Однако скупой ты, паренек... – добродушно улыбался словоохотливый гость, обращаясь к Мишатке. – Ну, чего ты таким волчком смотришь? Подойди сюда, потолкуем всласть про твоего петуха* [Шолохов, 1966, т. 5, с. 38].

Однако часто писатель подчеркивает преобладание волчьего начала в характере того или иного персонажа «Тихого Дона» как следствие озлобления на поле боя. Воюя, Григорий подмечает звериные черты в сражающемся народе, проводит параллели с волчьей стаей: *Хуже бирюков стал народ. Злоба кругом* [Шолохов, 1965, с. 302]. Встречаются волчьи черты и во внешности персонажей: *Оскалив по-волчьи зубы, Григорий метнул вилы. Петро упал на руки, и вилы, пролетев над ним, на вершок вошли в кремнисто-сухую землю, задрожали, вызывая* [Там же, с. 82].

Наиболее часто «волчьи» ассоциации используются в связи с образом Григория Мелехова [Якименко, 1958, с. 145–154; Лычкина, 2003; Давыдова, 2004; Печеницына, 2004; Диброва, 2005, с. 242–243, 245; Сухих, 2006, с. 266; Муравьева, 2007]. Окружающие замечают пугающее волчье во внешности и поведении Мелехова: *Как схватится он за маузер! Побелел весь, ощерился, как волк, а зубов у него полон рот, не меньше сотни. Я – коню под пузо да ходу от него. За малым не убил, вот какой чертоломный!* [Шолохов, 1966, т. 5, с. 303]. И еще: *У Григория в сузившихся прорезях глаз заиграли светлячки. Он захохотал, лапая бока смоченными в керосине руками. И так же неожиданно*

оборвал смех, по-волчьи клацнув зубами [Шолохов, 1966, т. 4, с. 146]. Даже Прохор Зыков иногда побаивается внутреннего волка Григория: *Да как зыкнет на меня... Истый бирюк в человеческой коже!* [Там же, с. 403]. Сам герой также неоднократно признает в себе волчьи черты: *«Давно играл я, парнем, а теперь высох мой голос и песни жизнь обрезала. Иду вот к чужой жене на побывку, без угла, без жилья, как волк буюрачный...»* – думал Григорий, шагая с равномерной усталостью, горько смеясь над своей диковинно сложившейся жизнью [Шолохов, 1965, с. 391]. В самых трудных жизненных коллизиях Григорий сам себе представляется загнанным зверем, изможденным волком: *Все было решено и взвешено в томительные дни, когда зверем скрывался он в кизячном логове и по-звериному сторожил каждый звук и голос снаружи. Будто и не было за его плечами дней поисков правды, шатаний, переходов и тяжелой внутренней борьбы.*

Тенью от тучи проклубились те дни, и теперь казались ему его искания зрящими и пустыми. О чем было думать? Зачем металась душа, – как зафлаженный на облове волк, – в поисках выхода, в разрешении противоречий? [Шолохов, 1966, т. 4, с. 194]. Ср. также: *Ежели бы я пограмотнее был, может, и не сидел бы тут с вами на острове, как бирюк, отрезанный половодьем, – закончил он с явственно прозвучавшим в голосе сожалением* [Там же, т. 5, с. 442].

Животное начало в Григории проявляется не только в результате ожесточения на войне. В эпизодах, связанных с физической близостью с Аксиньей, в персонаже также прослеживаются черты хищника: *Рывком кинул ее Григорий на руки – так кидает волк к себе на хребтину зарезанную овцу, – путаясь в полах распахнутого зипуна, задыхаясь, пошел* [Шолохов, 1965, с. 52].

Даже у любящих его женщин при общении с Григорием невольно возникают стойкие ассоциации с образом волка.

Наталья впервые увидела волчье в своем будущем муже в момент преподнесения ему «сердечного» подарка. В такой трогательный момент девушка видит не улыбку любимого, а звериный оскал: *Наталья его провожала... и, краснея, глядя на Григория влюбленными глазами, сунула ему в руку мягкий, таящий тепло девичьих ее грудей матерчатый комочек. Принимая подарок, Григорий ослепил ее белизною своих волчьих зубов...* [Там же, с. 96]. Героиня ощущает влюбленность, надеясь на взаимность и веря в счастливое совместное будущее с Мелеховым, а мастерски созданные писателем микрообразы сообщают о предстоящих Наталье трудностях и несчастьях, которые повлекут за собой ее отношения с Григорием.

Дуняшка Мелехова при встрече с братом удивляется метаморфозам, случившимся с ним:

– Ох, и постарел же ты, братушка! – сожалеюще сказала Дуняшка. – Серый какой-то стал, как бирюк [Шолохов, 1966, т. 5, с. 66].

Мать Григория, Ильинична, и та с горечью обнаруживает волчьи черты в младшем сыне: *Господи! Да ты, Гришенька, опамятуйся! У тебя ить вон, гля, какие дети растут, и у энтих, загубленных тобой, тоже, небось, детки поостались... Ну как же так можно? В измальстве какой ты был ласковый да желанный, а зараз так и живешь со сдвинутыми бровями. У тебя уж, гляди-кось, сердце как волчиное исделалось... [Там же, т. 4, с. 327].*

Опираясь на фольклорную традицию, предполагаем связь образа бирюка с мотивом одиночества, оппозиции. Дед Григория становится бирюком, испытав ненависть и непринятие окружающими своего выбора – жены-турчанки. *С той поры редко видели его в хуторе, не бывал он и на майдане. Жил в своем курене, на отшибе у Дона, бирюком [Шолохов, 1965, с. 10].* Через поколение Григорию ощущает дедово состояние: его выбор также не принимают близкие и соседи. Григорий усматривает такие же волчьи проявления и в других людях: *Как ни был пьян Григорий, он все же заметил и мертвенно побледневшее лицо Степана, и его по-волчьи вспыхнувшие глаза [Там же, с. 57].*

Персонажи испытывают одиночество бирюка, злость, жестокость хищника и даже тоскуют по-волчьи. Обратимся к эпизоду, в котором Степан Астахов, узнав о бегстве Аксиньи с Григорием, приобретает черты дикого зверя: *Швырком кинул лампу, не отдавая ясного отчета, рванул со стены шапку, сжал эфес до черных отеков в пальцах – подняя на носке шапки голубенькую, в палевых цветочках, позабытую женину кофточку, подкинул кверху и на лету, коротким взмахом разрубил ее пополам.*

Посеревиший, дикий, в волчьей своей тоске, подкидывал к потолку голубенькие искромсанные шматочки; повизгивающая отточенная сталь разрубала их на лету [Там же, с. 177].

Зооморфная поэтика «Тихого Дона» включает в себя и другие анималистические детали. Встречаются на страницах романа образы, отождествляемые с птицами: *Молодые, лет по шестнадцати-семнадцати парнишки, только что призванные в поставченские ряды, шагают по теплому песку, скинув сапоги и чиричонки...*

И до тех пор «куженок» смотрит на окружающий его мир войны изумленным, птичьим взглядом, до тех пор подымает голову и высматривает из окопчика, сгорая от любопытства, пытаясь рассмотреть

«красных», пока не щелкнет его красноармейская пуля [Шолохов, 1966, т. 4, с. 286–287]. «Птичий» взгляд явно противопоставляется «волчьему». Ср.: Как пахнут волосы у этих детишек! Солнцем, травой, теплой подушкой и еще чем-то бесконечно родным. И сами они – эта плоть от плоти его, – как крохотные степные птицы [Там же, т. 5, с. 65–66].

У «волчьих» персонажей «птичьи» нередко вызывают отвращение: *Хозяин – длинный пожилой казак – лежал на кровати, со стоном перекатывал по грязной подушке непомерно малую птичью головку [Там же, т. 4, с. 82]; С людьми этой птичьей породы Григорий не раз встречался на своем веку и всегда испытывал к ним чувство глубокого отвращения [Там же, т. 5, с. 138].*

Персонажи романа, склонные к ссоре, бытовой схватке, сопоставляются с главной домашней птицей казачьего двора – кочетом. Образ петуха широко эксплуатируется в устном народном творчестве и русской литературе. Эта птица традиционно представлена в двух ипостасях: некрепкий, ветреный, пустой, но самоуверенный персонаж или мудрый, надежный, серьезный и отважный. В малых фольклорных жанрах и во фразеологии фигурирует петух вспыльчивый, задиристый, постоянно готовый ринуться в бой (*ходить петухом, налететь петухом* и т.п.).

Исследователи подчеркивают, что наиболее часто Пантелей Прокофьевич Мелехов предстает на страницах романа именно в сравнении с петухом [Александрова, 2005, с. 56; Диброва, 2005, с. 470–471; Савенкова, 2015, с. 41–42]. Образ отца Григория неслучайно ассоциируется с образом кочета [Давыдова, 2005]. Такого рода ассоциации имеют в романе, в первую очередь, изобразительное значение, описывая внешность персонажа, его поведение: *Вошел он в курень почти вместе с Ильиничной. Ему невыгодно было стоять рядом с женой, была она выше его на добрую четверть, поэтому он ступил от порога шаг вперед, пождав по-кочетиному ногу, и, скинув фуражку, перекрестился на черную, мутного письма икону [Шолохов, 1965, с. 71]; Приезд сватов застал их врасплох. После обедни подкатили те на тарантасе к воротам. Ильинична, наступив на подножку, едва не опрокинула тарантаса, а Пантелей Прокофьевич прыгнул с сиденья молодым петухом; хотя и осушил ноги, но виду не подал и молодецки зачикилял к куреню [Там же, с. 87]. Ср.:*

– Ты, Гришка, не робей! Голову по-кочетиному держи, что насупился-то? [Там же, с. 98];

– Вот видишь, Прокофьевич, ты невесть с чего наскочил на меня, как драчливый кочет, а так по-свойски-то нехорошо. Нехорошо как будто, а? Я хочу узнать, – начал он уже иным, твердым, грубоватым тоном, –

долго аль нет твой сын будет измываться над Натальей? [Шолохов, 1965, с. 355].

Ввиду сказанного очевидно утверждение о том, что образ петуха вполне соотносится с вспыльчивым и гордым характером Мелехова-старшего, и мы можем говорить об «авторском приеме нагнетания однородных образов и превращения их из чисто внешней характеристики в более глубокую, сущностную характеристику героя» [Александрова, 2005, с. 56].

Отец Григория ходит, как молодой петух; наскокивает как драчливый кочет; прыгает молодым петухом; поджимает по-кочетиному ногу; по-петушину подпрыгивает. Аналогичные сравнения героя с главной домашней птицей казачьего двора играют роль лейтмотивной портретной детали и совершенно отвечают задачам писателя в плане передачи образа.

Достаточно колоритны и другие сопоставления, представляющие Мелехова-отца. Сравнения эти довольно разнообразны, однако все они живописно характеризуют его внешность, склад характера, модель поведения и, безусловно, внутренний мир героя. Вот лишь малая часть зооморфных параллелей, созданных Шолоховым на страницах своего произведения: *старик был похож на судака; раздулся, чисто паук; забежал, как худой щенок; по-котовски жмурился* и др.

Герои «Тихого Дона» сопоставляются с непремненным «жителем» скотиньего база хутора – быком или бугаем: *Холодный помазок обжег шею. Григорий видел в зеркало, как Петро, по-детски высунув на сторону язык, водил бритвой.*

– *Шея-то потоньшела у тебя, как у быка после пахоты, – улыбнулся он* [Шолохов, 1966, т. 3, с. 279].

Бык – один из древнейших мифологических символов, включающий в себя целую палитру разнообразных значений и смыслов. Трактовки и ассоциативные связи образа быка, формировавшиеся в различных условиях, неоднозначны и часто противоположны. Традиционно образ вола символизирует мужское начало, мужскую физическую силу. В русской фразеологии «бык» имеет двойное значение. С одной стороны, образ быка ассоциируется с крепким здоровьем, выносливостью, энергичностью и трудолюбием (*здоров, как бык; трудиться, как вол*). С другой стороны, данный зооним в русской фразеологии символизирует упрямство, строптивость (*упрямый, как бык*). В любом случае, вол соотносился с трудом на земле.

Ввиду вышеизложенного становится понятнее широко распространенное «бычье» начало в структуре повествования романа «Тихий Дон». Основной герой эпопеи – казачество – существует в двух ипостасях:

казак-воин и казак – мирный хлебопашец. Образ вола неразрывно связан со второй ипостасью шолоховского казака.

«Бычьи» черты в произведении Шолохова являются составляющей не только портрета героя, но и душевных движений личности: *Пантелей Прокофьевич гладил на прилавке развернутую штучку материи и, круто провернувшись, захромал к выходу. Он направился прямо домой. Шел, по-бычьи угнув голову, сжимая связку жилистых пальцев в кулак; заметнее припадал на хромую ногу* [Шолохов, 1965, с. 53].

Героям «Тихого Дона» вообще присущи животные инстинкты. Они кричат звериными голосами, чувствуют животный ужас, ощущают животное любопытство, зверски избивают своих врагов. *Григорий побежал за пасшейся в логу лошадей. Пока запряг и подъехал – Аксинья отползла в сторону, стала на четвереньки. Воткнув голову в ворох пыльного ячменя, выплевывая изжеванные от муки, колючие колосья. Она распухшими чужими глазами непонимающе уставилась в подбежавшего Григория и, застонав, ввела зубы в скомканную завеску, чтобы рабочие не слышали ее безобразного животного крика* [Там же, с. 215].

Отдельные подобные уподобления характеризуют душевное состояние жены Григория – Натальи. Такие сопоставления (он идет, как *тяжело раненный зверь*) представляют героиню в ее звериной, животной любви-ненависти к Григорию, которая приобретает невероятные устрашающие формы.

По справедливому утверждению шолоховедов, писатель «использует зооморфную деталь с тем, чтобы подчеркнуть, что в людях много животного, и именно эта часть человеческого существа зачастую управляет персонажами» [Трофимова, 2011, с. 37]. Хотя Григорий Мелехов выступает против массового надругательства над бесправной горничной Франей, после случившегося с ней он вместе с другими отправляется посмотреть на униженную девушку исключительно из-за животного любопытства: *Казак застучали, взбираясь на перегородки, чтобы посмотреть, что будет делать упавшая у пролома Франя; некоторые спеша выходили из конюшни. Звериное любопытство толкнуло и Григория. Уцепившись за перекладину, он подтянулся на руках к окошку и, найдя ногами опору, заглянул вниз. Десятки глаз глядели из прокопченных окошек на лежащую под стеной. Она лежала на спине, ножницами сводя и разводя ноги, скребла пальцами тальги у стены снежок. Лица ее Григорий не видел, но слышал затаенный сап казаков, торчавших у окошек, и хруст, приятный и мягкий, сена* [Шолохов, 1965, с. 252].

Шолохов опирается на традиции Л.Н. Толстого в описании войны в художественном произведении (война для автора романа «Война

и мир» – это самое враждебное натуре человека событие) [Трофимова, 2009]. Автор «Тихого Дона» посредством психологической детализации подчеркивает, что именно война «вынимает» из человека животные инстинкты, достает их наружу; на полях сражений и недалеко за их пределами происходит тотальное «озверение» людей.

Звериный страх героев Шолохова, участвующих в боевых действиях, практически буквально ощущается читателем: *А было так: столкнулись на поле смерти люди, еще не успевшие наломать рук на уничтожении себе подобных, в объявшем их животном ужасе натыкались, сшибались, наносили слепые удары, уродовали себя и лошадей и разбежались, вспугнутые выстрелом, убившим человека, разъехались, нравственно искалеченные. Это назвали подвигом* [Шолохов, 1965, с. 297]; *озверев от страха, казаки и немца кололи и рубили по чем попало: по спинам, по рукам, по лошадям и оружию...* [Там же, с. 295].

Шолохов подчеркивает, до какой степени интенсивно в человеке в экстремальных ситуациях, на грани жизни и смерти, преобладает животный инстинкт: *Бунчук повернулся, сжав кулаки, однако вторичный, еще более сильный удар заставил его шарахнуться в глубь толпы. Он невольно сделал это, подтолкнутый животным инстинктом самосохранения, и, стиснутый телами густо шагавших товарищей, в первый раз после смерти Анны сморщил губы нервной усмешкой, дивясь про себя тому, как живуче и цепко в каждом желание жить* [Шолохов, 1966, т. 3, с. 372]; *От момента, когда он выпускал лошадь, и до того, пока дорывался до противника, был неуловим миг внутреннего преобразования. Разум, хладнокровие, расчетливость – все покидало Григория в этот страшный миг, и один звериный инстинкт властно и неделимо вступал в управление его волей. Если бы кто мог посмотреть на Григория со стороны в час атаки, тот, наверно, думал бы, что движениями его управляет холодный, не теряющийся ум. Так были они с виду уверены, выверены и расчетливы* [Там же, т. 4, с. 230].

В отдельных героях «Тихого Дона» животная часть их существа может всецело подавлять человеческую: *Григорий с удивлением замечал, что Чубатого беспричинно боятся все лошади. Когда подходил он к коновязи, кони пряли ушами, сбивались в одну кучу, будто зверь шел к ним, а не человек* [Шолохов, 1965, с. 323]. Ср.:

– *Волчиное в тебе сердце, а может и никакого нету, камушек заместо него заложенный.*

– *Может быть, – охотно соглашался Чубатый* [Там же, с. 324].

Даже в любимом автором герое «Тихого Дона» иногда зверское преобладает над человеческим: *...И помалу Григорий стал проникаться злобой к большевикам. Они вторглись в его жизнь врагами, отняли его*

от земли! Он видел: такое же чувство завладевает и остальными казаками. Всем им казалось, что только по вине большевиков, напиравших на Область, идет эта война. И каждый, глядя на необрунные валы пшеницы, на полегший под копытами нескошенный хлеб, на пустые гумна, вспоминал свои десятины, над которыми хрипели в непосильной работе бабы, и черствел сердцем, зверел [Шолохов, 1965, с. 86].

Довольно часто персонажи романа «Тихий Дон» ощущают себя загнанным животным: *Аксинья промолчала. Не подняла головы. Недавнюю улыбку с губ ее как ветер слизал, и в расширенных глазах загнанным зверьком томилась тоска и испуг. «Сказать или не сказать?» – думала она, вспомнив про свою беременность [Там же, с. 170].*

В отдельные моменты романного действия «звериное» приобретает функцию символа или знака конкретного персонажа, более того – очевидной приметы рода: *звероватая улыбка, вислый кориунычий нос Мелеховых.*

Автор «Тихого Дона» наделяет представителей различных поколений одной фамилии – от прадеда Прокофия до маленькой дочери Григория – наружными признаками принадлежности к одному роду: *Так же сутулится Григорий, как и отец, даже в улыбке было у обоих общее, звероватое [Там же, с. 13]; Аксинья с виду стойко переносила разлуку. Вся любовь ее к Гришке перекинулась на дочь, и особенно после того, как убедилась Аксинья в том, что подлинно от Гришки понесла она ребенка. Доказательства являла жизнь неопровержимые: темно-русые волосы девочки вывалились, новые росли черные и курчавые; меняли цвет и глаза, чернея, удлиняясь в разрезе. С каждым днем девочка все разительнее запахаживалась на отца, даже улыбка отсвечивала мелеховским, Гришкиным, звероватым [Там же, с. 360]; Перчаткой гладил Григорий черный ус, шевелил кориунычим носом, из-под крылатых бровей угрюмым, осадистым взглядом провожал каждую сотню. Множество захлюстанных конских ног месило бурую толочь снега [Шолохов, 1966, т. 4, с. 220]. Семейная, родовая мелеховская близость подчеркивается писателем с помощью неизменных портретных знаков-символов.*

В нелюбимых героях писателя сконцентрированы черты образов различных животных. Наиболее ярко иллюстрирует это многократное упоминание «кошачьих» глаз Митьки Коршунова: *Митька кивнул головой и тронул коня рысью. Он ехал по безлюдной улице, и в желтых кошачьих глазах его, пресыщенных и холодных, не было и следа недавней взволнованной живости [Там же, т. 5, с. 104]. Кошачье в Митьке – это одно из нескольких присущих ему звериных начал. В этом персонаже Шолохова сосредоточены образы многих животных. Улыбаясь, топтал*

Митька землю легкими волчьими ногами, было много в нем от звериной этой породы: в походке увалистой – шаг в шаг, в манере глядеть исподлобья зелеными зрачками глазами; даже в повороте головы – никогда не вертел Митька контуженой шеей – поворачивался всем корпусом, коли надо было оглянуться [Шолохов, 1966, т. 3, с. 73].

Таким образом, зооморфная деталь выступает как значимый элемент портретной характеристики персонажей «Тихого Дона», а главенствующим началом в описании главного героя и целого ряда других персонажей становится начало волчье.

Библиографический список / References

Александрова, 2005 – Александрова Д.И. Сравнение как способ создания художественного образа в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» // Русский язык в школе. 2005. № 3. С. 54–58. [Aleksandrova D.I. Comparison as a way of creating an artistic image in M.A. Sholokhov's novel "And Quiet Flows the Don". *Russkii yazyk v shkole*. 2005. No. 3. Pp. 54–58. (In Russ.)]

Давыдова, 2004 – Давыдова О.А. Концепт *волк* в языке М.А. Шолохова // Шолоховские чтения / Под ред. Ю.Г. Круглова. М., 2004. Вып. IV. С. 137–150. [Davydova O.A. The concept of a wolf in the language of M.A. Sholokhov. *Sholokhovskie chteniya*. Yu.G. Kruglov (ed.). Moscow, 2004. Vol. IV. Pp. 137–150. (In Russ.)]

Давыдова, 2005 – Давыдова О.А. Лексемы *петух* и *кочет* в шолоховских текстах // Шолоховские чтения / Под ред. Ю.Г. Круглова. М., 2005. Вып. V. С. 138–154. [Davydova O.A. The words "petukh" (cock) and "kochet" (rooster) in Sholokhov's texts. *Sholokhovskie chteniya*. Yu.G. Kruglov (ed.). Moscow, 2005. Vol. V. Pp. 138–154. (In Russ.)]

Давыдова, 2007 – Давыдова О.А. Зоонимы как один из источников шолоховской образности // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Серия: Филологические науки. 2007. № 1. С. 39–55. [Davydova O.A. Zoonyms as one of the sources of Sholokhov's imagery. *Vestnik MGGU im. M.A. Sholokhova. Seriya: Filologicheskie nauki*. 2007. No. 1. Pp. 39–55. (In Russ.)]

Давыдова, 2010 – Давыдова О.А. Грачи в шолоховских произведениях // Русская речь. 2010. № 2. С. 25–27. [Davydova O.A. Rooks in Sholokhov's works. *Russkaya rech'*. 2010. No. 2. Pp. 25–27. (In Russ.)]

Диброва, 2005 – Словарь языка Михаила Шолохова / Гл. ред. Е.И. Диброва. М., 2005. [The Dictionary of Mikhail Sholokhov's language. E.I. Dibrova (ed.). Moscow, 2005.]

Каменская, 2008 – Каменская В.М. Аксиологический аспект устойчивых зооморфных сравнений и зооморфных паремий испанского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2008. [Kamenskaya V.M. Axiologicheskii aspekt ustoychivykh zoomorfnykh sravneniy i zoomorfnykh paremiy ispanского yazyka [Axiological aspect of stable zoomorphic comparisons and zoomorphic paremiads of the Spanish language]. PhD theses. Voronezh, 2008.]

Лычкина, 2003 – Лычкина Ю.С. Роль слов-символов «волк» и «бирюк» и соотносительных с ними фразеологизмов в характеристике Григория

Мелехова // Студенческие Шолоховские чтения / Под ред. Ю.Г. Круглова. М., 2003. С. 200–204. [Lychkina Yu.S. The role of the word-symbols “volk” (wolf) and “biryuk” (lone wolf) and the corresponding phraseological units in the characterization of Grigory Melekhov. *Studencheskie Sholokhovskie chteniya*. Yu.G. Kruglov (ed.). Moscow, 2003. Pp. 200–204. (In Russ.)]

Муравьева, 2007 – Муравьева Н.М. Проза М.А. Шолохова: онтология, эпическая стратегия характеров, поэтика. Борисоглебск, 2007. [Muravyova N.M. Proza M.A. Sholokhova: ontologiya, epicheskaya strategiya kharakterov, poetika [M.A. Sholokhov's prose: Its ontology, the epic strategy of characters, and its poetics]. Borisoglebsk, 2007.]

Печеницына, 2004 – Печеницына Т.С. Концепт ‘волк’ в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» // Студенческие Шолоховские чтения / Под ред. Ю.Г. Круглова. М., 2004. С. 153–158. [Pechenitsyna T.S. The concept of ‘wolf’ in M.A. Sholokhov's novel “And Quiet Flows the Don”. *Studencheskie Sholokhovskie chteniya*. Yu.G. Kruglov (ed.). Moscow, 2004. Pp. 153–158. (In Russ.)]

Савенкова, 2015 – Савенкова Л.Б. Лексико-стилистический потенциал художественного творчества М.А. Шолохова // «Алмазные россыпи русской речи»: языковое мастерство М.А. Шолохова. Ростов-н/Д., 2015. С. 12–45. [Savenkova L.B. The lexical and stylistic potential of M.A. Sholokhov's artistic work. “*Almaznye rossypi russkoy rechi*”: *Yazykovoe masterstvo M.A. Sholohova*. Rostov-on-Don, 2015. Pp. 12–45. (In Russ.)]

Серопегина, 2011 – Серопегина Т.В. Зооморфизмы как единицы зооморфного кода англоязычной культуры // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 1. С. 81–84. [Seropegina T.V. Zoomorphisms as units of a zoomorphic code of the English-speaking cultures. *Bulletin of the Volgograd State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2011. No. 1. Pp. 81–84. (In Russ.)]

Сухих, 2006 – Сухих С.И. «Тихий Дон» М. Шолохова: Лекции по спецкурсу. Н. Новгород, 2006. [Sukhikh S.I. «Tikhyy Don» M. Sholokhova [“And Quiet Flows the Don” by M. Sholokhov]. Specialized course lectures. Nizhny Novgorod, 2006.]

Трофимова, 2009 – Трофимова П.В. Своеобразие художественной детали в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. [Trofimova P.V. Svoeobrazie khudozhestvennoy detali v romane M.A. Sholokhova «Tikhyy Don» [Originality of artistic details in M.A. Sholokhov's novel “And Quiet Flows the Don”]. PhD theses. Moscow, 2009.]

Трофимова, 2011 – Трофимова П.В. Своеобразие художественной детали в произведениях русской литературы XX века. Рязань, 2011. [Trofimova P.V. Svoeobrazie khudozhestvennoi detali v proizvedeniyakh russkoi literatury XX veka [The peculiarity of the artistic detail in the works of Russian literature of the XX century]. Ryazan, 2011.]

Устуньер, 2004 – Устуньер И. Зооморфная метафора, характеризующая человека, в русском и турецком языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. [Ustunier I. Zoomorfnaaya metafora, kharakterizuyushchaya cheloveka, v russkom i turetskom yazykakh [Zoomorphic metaphors characterizing a person in Russian and Turkish]. PhD theses. Ekaterinburg, 2004.]

Францева, 2005 – Францева М.О. Зоонимы как источник сравнения в языке М.А. Шолохова // Студенческие шолоховские чтения / Под ред. Ю.Г. Круглова. М., 2005. С. 174–177. [Frantseva M.O. Zoonyms as a source for a simile

in the language of M.A. Sholokhov. *Studencheskie Sholokhovskie chteniya*. Yu.G. Kruglov (ed.). Moscow, 2005. Pp. 174–177. (In Russ.)

Хаврук, 2001 – Хаврук И.И. Анимализмы в «Тихом Доне» М. Шолохова // Русский язык в школе. 2001. № 5. С. 56–61. [Khavruk I.I. Animalisms in M. Sholokhov's "And Quiet Flows the Don". *Russkii yazyk v shkole*. 2001. No. 5. Pp. 56–61. (In Russ.)]

Хайрулина, 2013 – Хайрулина А.Р. Зооморфная метафора и ее образы // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2013. № 1. С. 133–145. [Khairulina A.R. A zoomorphic metaphor and its images. *Bulletin of Pushkin Leningrad State University*. 2013. No. 1. Pp. 133–145. (In Russ.)]

Шолохов, 1965 – Шолохов М.А. Собр. соч. В 9 т. Т. 2. М., 1965. [Sholokhov M.A. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. In 9 vols. Vol. 2. Moscow, 1965.]

Шолохов, 1966 – Шолохов М.А. Собр. соч. В 9 т. Т. 3–5. М., 1966. [Sholokhov M.A. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. In 9 vols. Vol. 3–5. Moscow, 1966.]

Шумилина, 2014 – Шумилина О.С. Русская мышь или английская собака (к попытке описания зооморфного портрета человека) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 4. С. 241–247. [Shumilina O.S. The Russian mouse or the English dog (toward a description of a zoomorphic portrait of a person). *Bulletin of Tver State University. Series: Philology*. 2014. No. 4. Pp. 241–247. (In Russ.)]

Якименко, 1958 – Якименко Л.Г. «Тихий Дон» М. Шолохова: О мастерстве писателя. 2-е изд., испр. и доп. М., 1958. [Yakimenko L.G. «Tikhiy Don» M. Sholokhova: O masterstve pisatelya [M. Sholokhov's "And Quiet Flows the Don": The writer's skill]. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow, 1958.]

Статья поступила в редакцию 18.05.2019

The article was received on 18.05.2019

Об авторе / About the author

Кукса Полина Викторовна – кандидат филологических наук; доцент кафедры иностранных и русского языков, Рязанское гвардейское высшее воздушно-десантное командное училище

Polina V. Kuksa – PhD in Philology; Associate Professor at the Department of Foreign and Russian Languages, Ryazan Guards Higher Airborne Command School

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9797-7170>

E-mail: polina-t@inbox.ru